

— Вы будете бородавками? — спросил третий офицер Ботиктин.

— Да, я.

— Скажите бородавкам: где вы и где бородавкам Яков Андреевич?

— Не знаю, об этом не первое вы спрашиваете.

— Кто вам поверит, что вы не знаете, где скрываетесь ваши люди?

— Нет, Георгий Матвеевич, я говорю истину, что не знаю.

— Оказывается вы меня помините, как звать и фамилию. Знаю, что вы в Нормальном восточном, а догадываюсь только прикидываетесь?

— Вот это много я от вас Георгий Матвеевич никак не ожидаю.

— Я в первую долг военной службы! Прощу отбегать на мои вопросы коротко и ясно!

— Я уже отлетела, что не знаю.

— Врете бородавкам! Вы знаете, где он скрывается, но некоторые говорят правду.

— Нет, я говорю истинную правду.

— А этого Кирилла?

— Этого Кирилла?

— Тот не знает, где он скрывается?

— Тот же! Да от куда же знаете?

— Слушай бородавкам! Последний

дед спрашиваю, где Бородавкин, где встал?
Она вместе скрывается!

— Не знаю, еще ему говорю, не знаю.

— Господин Чичур офицер, разрешите
мне задать один вопрос Бородавкин? — по-
проси один солдат.

— Знайте!

Солдат встал, стремительно шагнул
к кровати, сдернул с Бородавкиной одеяло
и замалчивая магайкой. Соломин Яковлев-
ич с визгом закрыл лицо руками.

Второй солдат скватил её за руку и пова-
лил на пол, над Бородавкиной забыл там
магайку, Дед Степан стрессом выско-
чил из дома и задал ходу.

Катиливились, солдаты вошли к деду.

— Чичур знает, как скрывать дезерти-
ров, — сказал один солдат.

— А где же Дед? — спросавшись, стрес-
ем второй солдат.

— Дед задан такого стресса, Накам
на догосеши, — закатывал от смеха.
Ответа Бетехтин

У Соломина Яковлевича терялось возни-
ние. В это время менялись привычки и привычки
бредом: «Митя, Яковлевича, детки мои
дороже, спите, еще рано» В руке кудато
тянулись как бы, что-то и сконно.
Кашицу, приходила в сознание и просило

путь. Потом как вот так, но голова валялась
и она снова терпела страдания. Несколько минут
лежала не двигаясь, с закрытыми глазами,
частыми глубокими и сильными биениями сердца.
Вот её правая рука медленно потянулась
и дрожавшими пальцами нащупала на су-
бах руки заточенной Крови. «Что это?
Что это такое?» — и сгрудившись головой
прошептала она отрывая глаза «Кровь!
Ой, Боже мой, от куда она?» — продолжила
шептать. «Где я? Что со мной? Ах, да
помню, помню. Это она..., она..., ах, изверги,
что сделали!»

Придя в чувства, опираясь на локотки
правой руки, чуть приподняв голову, посмотре-
ла туда-сюда «Кто из кого?» — тихо
сказала она. Потом двинувшись, рывком с себя
сбросила окровавленную одежду и евангелия
уба ступа, а под потогом валялась
разбитый горшок с белыми краской
розой. Вот она достала рукой валяв-
шийся на полу ступ, операясь на него
с трудом поднялась на колени. Повер-
нула голову направо и увидела оторвавшуюся
отца и вальдшнепов на полу скотницы
«Ой, кто, кто мой, тяжело, больно, всё болит»
и она опять повалилась на пол.

В дверь послышался шаг человека.
Соловья Яковлевна вздрогнула, пригнувшись.

На пороге появилась соседка Александра.
Увидев отравившуюся Соломию, летавшую на
тот, воплещущая руками и с ужасом крикну-
ла:

— Ой! ой! что с тобой? Живая ли
ты? Кровь! Кровь! Кровь! О, Боже мой!
Что тебе?

— Дитя, ты же дай мне! — в полголоса
говорила Соломия Яковлевна.

Александра кинула в стакан воду и по-
дала его в руку Соломии, но её руки не действо-
вали. Тогда Александра присела на колени,
приподняла голову Соломии и стаканом воды
выпила из своих рук. Соломия Яковлевна с
матерински глотала воду, такая жутким образом.

— Дай еще, дай еще — просила она ~~еще~~.
После второго стакана выпитой воды, она
почувствовала в себе некоторую облегченность,
открыла глаза жалкими кровью и увидела
перед собой стоявшую на коленях соседку
Александру. В её глазах появились ма-
ленькие, почти заметные искры на-
дретности, но тут же погасли.

— Спасишь тебе Александра. Наложил
мне на голову мокрую тряпку, может
легче будет моей голове,

— Излишнее бы тебе надо. У меня
хуже вода изречется, более откирпачи вод-
ракаса. А ну-ка я стою, трясущаясь водью,
да выжишь тебя.

Александрю отворотило сидла с Боро-
завинной отрававениной беле, оделена раню,
завернула в чистую простину и уложилась
в матер постеле. В комнате прибрала
как надо и сказала:

- Лежи, а корову я подою вечером и
утром.

- Спасибо, спасибо тебе Александрю.
Вам уладивше Михайловича форова не
говори ни ничего, скрети, что так
заболела.

- Помнишь, помнишь. Ну, отговаривай-
ся, я пошла.

Соломиня Яковлевна тужила в
постели около полуторах недел.

За это время не раз менялась погода
Протодина грозы с сильными дождями.

Сель в ваиках подотрела, а трава так
и не была скошена. Соломиня пере-
несла тяжелей попытками, но му-
жественно зацвела и не ввела
своего мужа - Коммуниста, Карателю.

Красная Армия стремительно нажи-
мала на козлаковцев. В последние недели
Красные войска заняли Ульбинск, а в первой
половине августа был освобожден город
Курган.

Микаловская, Моттовская, Верна-
Сверская и Мисаковская волосты находились
еще в руках белых. Однако, по всем дорогам,
ведущим к реке Суре, тысячи обозов конно-
колес в порядке отступления. Эвакуировались
городские и деревенские богачи и многогран-
дочная чернилка.

Вдоль Марайского Сухо Яоз, протянувши-
мого по двенадцати верст, от деревни
Росси-Попотовой до деревни Оттавиновской,
нестройно стояла армия изобретателей
козлаковцев. Их котелки, висевшие за
спиной, уносило порывавшим о затворгах
Японских винтовок. Трудные шимши
хлопали в груди солдатиков, изрядно по-
ношенными английских сапог. У многих
виднелись оторванные каблуки и цыган-
ским подвязкам подошвы. По всему видно
что щедрое подаяние Союзников Козлака
не оправдало надежд, что подает против
Красной Армии на берегах реки Тоболя.

На гаубицах сидели артиллеристы,
зидувшись по сторонам